

КОНЦЕПТ «КОНЬ» В ЧЕЧЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

Л. М. Довлеткиреева

Чеченский государственный университет

Поступила в редакцию 29 мая 2019 г.

Аннотация: в статье на материале чеченского фольклора и литературы анализируется концепт «конь», его семантико-символическая связь с сугубо национальным концептом «къонах» (достойный мужчина). А также выявляется влияние традиций устного народного творчества на художественную литературу в изображении и содержании рассматриваемых образов.

Ключевые слова: конь, художественная литература, фольклор, чеченский, концепт, мировидение, къонах (достойный мужчина).

Abstract: the article analyzes the concept «horse», its semantic and symbolic connection with a purely national concept «Konah» (a worthy man) on the material of Chechen folklore and literature. It also reveals the influence of oral traditions of folk art on fiction in the image and content of the images.

Keywords: horse, fiction, folklore, Chechen, concept, world-view, konah (a decent man).

Культ коня прослеживается у многих народов мира. О значимости этого анималистического символа в чеченском мировидении в разное время писали такие исследователи, как Ибрагим Алироев, Муса Ахмадов, Исмаил Мунаев. Они выявляют глубокие исторические корни рассматриваемого концепта, опираясь на данные археологии, языка и фольклора. Так, И. Алироев обращает внимание на факт обожествления лошади предками чеченцев в период язычества, что подтверждается обнаружением в Зандакском могильнике IX–VIII вв. погребений человека с лошадьё. На древнее происхождение символа указывает также то, что чеченская лексема «говр» (конь) идентична названию этого животного в урартском языке [1, 359]. Исмаил Мунаев в своих выступлениях не раз высказывал мнение о том, что по выразительности интерпретации образ коня в чеченском фольклоре и литературе находится в одном ряду с творчеством Михаила Лермонтова (Печорин-Казбич-Карагёз в романе «Герой нашего времени»), Баграта Шинкубы («Горсть земли»), Чингиза Айтматова («Прощай, Гульсары!»). Фольклорист считает, что в чеченской литературе с той же эмоциональной силой конь представлен в классическом романе Саидбея Арсанова «Когда познается дружба». Писатель и публицист Муса Ахмадов в своем фундаментальном труде «Чеченская традиционная культура и этика» также анализирует роль коня в чеченской ментальности. В частности, он указывает на то, что в чеченском языке есть, помимо двух общих — «дин» и «говр», множество частных номинаций этого животного, конкретизирующих возраст, здоровье, масть, характер, предназначение (жеребенок или старая, верховая или рабочая, объезженная или необъезжен-

ная лошадь) и т.д. [2, 115] Такая активная вербализация, действительно, подчеркивает актуальность концепта в народном сознании.

Эти и другие важные размышления о культе коня у чеченцев носят характер аналитических замечаний в рамках других тем, поэтому в данной статье мы ставим перед собой задачу более подробно рассмотреть на конкретных примерах из чеченского фольклора и литературы, какими символично-семантическими коннотациями наполняется образ коня в чеченской художественной картине мира.

Проанализировав ряд произведений устного народного творчества чеченцев и классической литературы (повесть «Бешто» Саида Бадиева, романы «Когда познается дружба» Саидбея Арсанова, «Долгие ночи», «Молния в горах» Абузара Айдамирова), мы пришли к выводу, что скакун выступает в чеченской ментальности как эго къонаха (достойного мужчины/юноши). Эти два концепта представляют устойчивую дихотомию, воспринимаются как нечто неразрывное, целое, дополняющее друг друга, хоть и поделенное на две части. Къонах без верного коня в фольклоре абсолютно невозможен, и сама мысль об этом создает ущербность восприятия образа достойного юноши. Къонах в народном представлении — некий идеал мужчины, которого надеются целым набором положительных характеристик и к которому предъявляются жесткие этические требования и критерии. Несоответствие хотя бы одному из них дает основание говорить о том, что некто не является къонахом. Поведение къонаха также регламентируется строгим сводом нравственных правил и предписаний, касающихся как поступков, так и слов — так называемым «неписанным кодексом къонаха» — «къонахалла». Давая определение лексеме «къонах», автор словаря «Дош» Абу Исмаилов

выделяет следующие семантические компоненты этого концепта: уважение к старшим, прежде всего к родителям; скромность, стойкость, мужество; самодостаточность, чувство собственного достоинства (сам не лебезит и не нуждается в славословии в свой адрес); защитник слабых; знает цену миру и мирской суете; всегда поступает по совести. Это постоянная категория, не зависящая от конъюнктуры. [3, 155] Чеченцы не спешат наделять мужчину высоким званием кьонаха. Если кто-то совершает поступок в рамках сформированного кодекса чести, о нем не сразу говорят, что он кьонах, предпочитают сравнить с таковым — «как кьонах». Следовательно, это высшая точка этической шкалы, достичь которую может не любой, но стремиться к этой вершине должны все.

Лексико-семантическое формирование концепта «кьонах» происходило на протяжении всей истории чеченского народа. Образцами достойных мужей выступают такие личности, как Дуда, сын Исмаила; Мустарг, сын Бахадура; Шихмирза, сын Зайты; Зелимхан Харачойский; Довга, сын Дады; Кюра, сын Овтахаджи; Ума, сын Товты; Ахмад Автуринский; Биболат, сын Таймы... В нравоучительной повести современного чеченского писателя Мусы Бексултанова «Далекие берега реки жизни» отец наставляет своего сына, перечисляя эти и другие имена реальных лиц, воспетых в чеченском фольклоре. Народ хранит память о них, «подобно тому, как государство хранит архив» [4,15] Предания, легенды, илли, рассказы стариков передают из поколения в поколение их имена как эталон нравственной чистоты, мужества, человеческого достоинства.

Какова же смысловая матрица концепта «конь» в сочетании с концептом «кьонах»?

В жемчужине чеченского фольклора «Илли о сыне Вдовы и князе Монце» есть эпизод, когда перед битвой с Черным князем Вдовий сын предлагает противнику, сойдя на землю, рубиться саблями. Он мотивирует это таким образом: «Нам ли умножать грехи без толку и губить безгрешную скотину? Нет, сразимся мы, сойдя на землю!» [5, 14] Обратим внимание на то, что Вдовий сын является собирательным образом кьонаха, а следовательно, в нем получили максимальное воплощение все нравственно-этические установки народа, связанные с этим концептом. Однако он бережет своего надежного спутника, ставя скакуна на более высокую планку чистоты и безгрешности, нежели сам кьонах. И верный друг отвечает ему взаимностью: увидев, что «кант пошатнулся» (к1ант — чеч. парень, юноша), конь бросается на помощь: «стал рвать зубами князя, начал бить, топтать, ломая кости ворогу — чеченский бурый конь» [5, 14] Как видим, конь не просто достоин своего друга, но и превосходит его морально и физически (безгрешен и сильнее). Этот фрагмент наглядно демонстрирует, на какую

высоту в чеченском художественном мировидении вознесен скакун. С ним, как с равным участником битвы, делятся добычей, подчеркивая его роль в победе над противником. Табун Черного князя Вдовий сын со своим другом Хаси делят на три части: третью часть определяют коню и раздают сиротам. В этом илли конь еще раз приходит на выручку герою, спасая от смерти и проявляя свою преданность. Не смирившись с пропажей друга, скитаясь по миру, он находит Ненадежный холм, под которым сгинул Вдовий сын, и приводит к нему князя Хаси: «Верит конь: из мрачных недр на волю выйдет молодой его хозяин» [5, 16–17]

В чеченском микрокосме конь может превосходить человека не только в силе и нравственной чистоте, но и в надежности. В «Илли о Чеге Бесстрашное Сердце и Бибулате, сыне Таймы», характеризуя коня Бибулата, илланча использует сравнение: «Друга надежного конь был верней». [5, 60]

Конь в чеченском фольклоре выступает как верный, надежный, смелый, умный друг кьонаха, то есть он наделяется теми же чертами, что и сам достойный муж, поэтому мы и смеем утверждать, что скакун является эго кьонаха. Таковым, к примеру, мы видим коня Умы, сына Товты: «Этот конь настигает врага на войне, / Помогает невест добывать на пирах». Интересно, что доверие между героем и конем безгранично: так, благородный Ума доверяет своему серому другу не только свою жизнь и честь, но и, победив в состязании, право выбора невесты для себя, при этом не желает неразделенных чувств: «Я к девицам коня моего подведу. / Пусть он сделает выбор в девичьем ряду. / Если я той красавице тоже понравлюсь, / С нею вместе домой я охотно отправлюсь» [5, 40] Самый сильный удар получает Ума, когда у него крадут коня завистники. Сказитель детально передает глубокие переживания Умы, которого гложет тоска, сердце его болит, а тело слабеет... Потерю коня можно трактовать как потерю части жизненной энергии. Преодолевая множество препятствий, Ума находит своего коня. И конь, и герой плачут, вновь обретя друг друга.

Конь, как видим, наделяется всей гаммой чувств, характерных для человека, в том числе способностью к сопереживанию: скакун Бибулата разделяет чувства своего хозяина, у которого убит лучший друг, он не летит, не скачет, не бежит с всадником, обнимающим умершего, а «тихо ступает с горькою ношей» [5, 64] В сказке «Вдовий сын Жансарко и княжич Тепсарко» конь слепнет от горя, оплакивая юношу. [5, 275] Постоянный эпитет «тешаме» (верный) повторяется многократно в этой сцене.

Еще одним примером того, что в чеченском представлении конь может превосходить человека, служит «Илли об Умаре, сыне Тахи». Конь врага наделяется умом и интуицией, которые значительно превышают эти же качества у его хозяина. [5, 71]

По мнению А. Бену, конь символизирует «скорость движения разума» [6, 174]. В чеченском художественном сознании конь олицетворяет и ум, и чувство. Именно поэтому он сравнивается с другом и братом, понимающим все с полуслова. Къонах растит его с любовью, жизнь и смерть того и другого находятся в зависимости друг от друга. Скакун наделяется и таким качеством, как честь, достоинство — основной чертой къонаха. «Не посрами же чести коня!» — обращается к своему другу перед битвой эпический герой — Сирота — в «Илли о кабардинце Курсолте». Увидев, что конь казака гонит его двугодка, за честь своего коня Ахмад Автуринский готов сражаться так же, как за честь друга и брата. [5, 196]

Обратим внимание на то, что идеальным воплощением достойного юноши в чеченском эпосе часто служит Сирота. Герой без отца как бы лишен мудрости своего родителя, его прозорливости, компенсатором этих качеств выступает конь. Архетип Сироты нуждается в отдельном анализе, поэтому не будем подробно останавливаться на нем в рамках данной статьи. Отметим лишь, что Мать всегда воодушевляет на подвиг, она ассоциируется со сферой чувств и души. А конь и доспехи отца, передаваемые сыну по наследству, символизируют преемственность и взаимосвязь поколений, сферу разума и силу духа [5, 268].

Высшую степень своего расположения к человеку эпический герой проявляет, доверяя кому-то своего коня («Илли о кабардинце Курсолте»).

Чеченские писатели, создавая свои исторические произведения, также рядом с героем-къонахом рисуют образ его верного спутника — коня, используя фольклорные мотивы.

Автор художественного текста включает в него национальные концепты, которые с максимальной точностью и полнотой раскрывают и отражают его личное восприятие мира и соответствуют творческим задачам. Кроме того, писатель может модифицировать национальный концепт, то есть сделать акцент на какой-то его части, признаке путем различных приемов, например метафоры или своеобразия лексической репрезентации.

С этой позиции мы и рассмотрим, как и в каких проявлениях национальный концепт-лексема «конь» реализуется в прозаическом наследии классиков чеченской литературы Саида Бадиева, Саидбея Арсанова и Абузара Айдамирова, чье творчество во многом национально специфично и содержит в себе такую сложную и едва уловимую субстанцию, как «дух народа».

Роман Саидбея Арсанова «Когда познается дружба» демонстрирует отмеченную нами в фольклоре спаянность в народном сознании образа достойного юноши и его скакуна. Классик чеченской литературы рисует красочный гиперболизированный образ парящих над бездонной пропастью всадников, задевающих плечами скалы [7, 30].

Главный герой Арсби неразлучен со своим скакуном Соколом. Следуя народно-поэтической традиции, прозаик сравнивает любовь к коню с любовью к родному брату [7, 52]. Единство героя с конем, их близость природной чистоте, совместную самодостаточность подчеркивает и тот факт, что герою в обществе с конем для душевной свободы требуется лишь простор и воля: «Умчаться сейчас в широкую степь, обгоняя ветер, — он да Сокол, и никого вокруг, сойти с коня, дать ему волю, а самому прилечь на душистую зелень. Потом крикнуть: «Сокол!» — и смотреть, как конь подымет голову, наострит уши, выгнет шею, прибежит, распутив хвост, и заплашет рядом» [7, 58]. Быстрота, ум, верность, воля — эти лексемы образуют лексико-семантическое поле концепта «конь» в приведенном фрагменте.

О том, насколько высоко ценят джигиты своих скакунов и как неразрывно слиты их жизни, можно судить по рассуждениям друга Арсби — Джо, который говорит: «Мне довольно и моего коня. Захочу красивую жену — конь поможет, утащу; захочу добра — за Терек в набег. Я буду голоден — конь будет сыт, буду оборванцем, зато конь пойдет в серебряной сбруе» [7, 28]. Вспомним, что лермонтовский Казбич отвечал Азамату, предлагающему обменять Карагёза на Бэлу, примерно в том же ключе. Красавиц много, а верный конь один.

Психологическое состояние коня в чеченской литературе, как и в фольклоре, всегда идентично внутренним переживаниям героя. Так, Сокол чувствует себя беспокойно и настороженно в то время, как «в груди Арсби заклокотало» [7, 75].

Потеря коня для къонаха — самая, пожалуй, тяжёлая утрата. Выше мы приводили пример того, как переживает герой или Ума кражу завистниками своего скакуна, а в повести С. Бадиева «Бешто» героя постигают три беды одновременно: у него умерли мать, любимая девушка и конь. Парень тронулся умом. Будь его конь жив, он смог бы преодолеть с ним любое жизненное испытание, но без коня герой ощущает себя абсолютно незащищённым, слабым перед ударами судьбы. Лишившись коня, символизирующего разум, благородство, красоту, мощь; матери, являющейся эмоциональным началом и дарующей душевную гармонию, и девушки, с которой из жизни уходит любовь и половодье чувств, юноша теряет разум и жизненные силы, становится неполноценным [8].

Концепт «конь» тесно связан с концептом «дружба», причем не только в паре «къонах — конь», но и в ансамбле «конь — хозяин — его друзья и их скакуны». На состязаниях всадников С. Арсанов так описывает отношения коней: «Кони тоже как будто были связаны дружбой — и со своими седоками, и друг с другом: то копытами ударят и уши наострят, то повернут головы щека к щеке, точно разговаривают тайком» [7, 59].

В романе «Долгие ночи», первой части знаменитой исторической трилогии Абузара Айдамирова, поставившей этого писателя на высшую ступень классического пьедестала чеченской литературы, Албаг дарит своему другу Кюри, уходящему с частью населения в турецкое мухаджирство, самое дорогое, что у него есть — коня. «Если бы было нужно, я бы отдал тебе свою душу. Но сегодня в этом нет необходимости. Поэтому отдаю тебе то, что для меня ценно так же, как и душа, — своего любимого скакуна, в память о себе» [9; 383, 384] И так, скакун сравнивается с душой кьонаха, что еще раз подтверждает нашу идею о том, что в чеченском сознании конь ассоциируется не только с интеллектуальной сферой, но и со сферой эмоциональной, это часть души кьонаха. Поступок Албага является высшим проявлением дружеских чувств. Ведь он дарит не просто скакуна, а коня, признанного всеми друзьями «удивительным» (чеч. «тамашийна»). На традиционных учениях пятнадцатилетних юношей в горах этот скакун восхитил всех своей реакцией, умом, быстротой, верностью, он спас и самого Албага, чуть не погибшего, повиснув над пропастью. Албаг в момент, от которого зависела его жизнь, кликнул на помощь не друзей, а коня, тот мгновенно примчался на его зов и вызволил из неминуемой, казалось бы, беды.

О том, в каком плачевном состоянии оказались мухаджирцы, обманутые царской политикой, свидетельствует то, что им пришлось зарезать коней, чтобы дети, женщины и старики не умерли от голода. Айдамиров отмечает, что чеченцы не едят конину по религиозным соображениям, это животное табуировано в исламе. Кроме того, в любом несчастье конь — верный помощник. Порой, чтобы спасти коня, кьонах сам принимает смерть, но когда речь зашла о сохранении жизней ослабнувших от голода и болезней людей, пришлось пожертвовать самым дорогим — лошадьми [9, 519].

Ткань романа-эпопеи «Долгие ночи» Абузара Айдамирова пронизана фольклорными вкраплениями. Пословицы, поговорки, народно-поэтическая метафора и сравнения, илли искусно вплетены в полотно этого произведения, поднимая проверенными образными средствами градус читательского восприятия на уровень максимальной эмоциональной причастности к трагедии народа, перед которой встала дилемма: покинуть Родину и уйти в неизвестность или остаться, не будучи хозяевами, на земле своих предков без каких-либо прав и свобод.

Боль народа передана в илли Чоры. Имя это символично, так как в чеченском фольклоре Чора является балагуром и весельчаком, но мудрым и смекалистым, вроде Хаджи Насреддина, к нему обращаются за советами, и он легко и справедливо разрешает любой спорный вопрос. Однако Айдамиров характеризует своего Чору как человека очень серьезного, религиозного, не любящего пение. К этому илли он

обращается лишь в минуты трагического выбора, который стоит перед его народом, выливая тоску и грусть посредством исполнения эпической песни. Приведем подстрочный перевод илли Чоры:

Стягивающий тонкую талию пояс
царская власть хочет заменить бечёвкой.
Черкеску хочет заменить женским платьем.
Папаху на моей голове
царская власть хочет заменить фуражкой.
Доставшееся от отцов железное оружие
царская власть хочет заменить прутом.
С коня, который вырос вместе со мной,
хочет меня высадить царская власть,
чтобы я стал пешим.
Царская власть хочет, чтобы я стал рабом тех,
кто убивал моих братьев,
чтобы я с ними делил одно ложе и питался с одного подноса.

Запрещенную моей религией свинину требует,
чтобы я кушал [9, 43].

Илли построено на антитезе, в основе которой лежит противопоставление чеченских концептов: пояс символизирует свободу, независимость, защиту, а бечёвка, тесемка для крепления клади — несвободу, рабство; черкеска олицетворяет мужество — г1абали (женское платье) в данном контексте выступает признаком слабости, податливости; папаха (мужество, духовное возвышение, чувство собственного достоинства, независимость) — г1ап (фуражка, нечто плоское), то есть бесчестие, повиновение чужой воле, вертикальное сознание противопоставлено горизонтальному; оружие, доставшееся по наследству от отцов, является символом борьбы за независимость, преемственности идеалов свободы и мужества — прутик же символизирует слабость и повиновение; конь, выросший со мной (честь, мужество, свобода, защита) — пеший (беззащитность, слабость, бесправие, несвобода) и наконец, заключительный концепт — «шун» (поднос) — символ гостеприимства, независимости. Ему противопоставлена свинина — мясо, запрещенное исламом. Сесть за один поднос значит стать такими же, как власть, сгубившая не одно поколение чеченцев, принять их как своих.

Данный илли, как видим, имеет острый политический подтекст, в нем сосредоточены основные национальные концепты, власть лишает народ основ чеченской ментальности: мужественности, свободлюбия, независимости, хочет превратить в рабов и скотов, лишив «нохчалла» — «чеченскости», символами которой выступают перечисленные концепты, выстроенные по принципу нарастающей градации: от пояса до коня и, наконец, итог этого передан саркастичной фразой — «цхьан шуьнах важа» — «пасться за одним подносом», то есть опуститься до уровня животных, лишившись национальной индивидуальности и ценностей, составляющих нравственно-этическую парадигму народного миропонимания. Как

видим, конь на этой аксиологической лестнице находится на самой высокой метафорической ступени: пояс — папаха — оружие — конь.

Вторая часть трилогии А. Айдамирова — роман-хроника «Молния в горах» — открывается сценой конных состязаний. Такая сцена традиционна и в чеченском фольклоре, и в чеченской литературе, она встречается в ряде известных илли и является завязкой в сюжете романа С. Арсанова «Когда познается дружба». Подобные игрища-состязания часто устраивались на праздниках и по различным торжественным поводам, были очень зрелищными, а победить, проявив смелость, смекалку, ловкость, быстроту, гибкость, выносливость и другие качества, достойные джигита, было очень престижно и давало возможность претендовать на народное звание кьонаха. На скачках юнцов выигрывает 12-летний Мохмад, сын Арзу, погибшего в Турции при попытке вывести народ за пределы Турецкой империи и вернуть на Родину, спасти от гибели на чужбине. Отношение к своему четвероногому другу у него трепетное, бережное, но на скачках мальчик управляет конем уверенно и самозабвенно, гордо ставит на дыбы перед гостями, победив в соревнованиях.

В состязаниях взрослых первенство завоевывает Албаг, сын Олдама. Алибек-хаджи Алдамов — реальное историческое лицо, имам Чечни. Под его предводительством в 1877 году состоялось восстание горцев, которое и легло в основу сюжета второй части трилогии Айдамирова. Отличался, по свидетельствам очевидцев и исходя из донесений царских офицеров, необычайной храбростью и крайней решительностью. Благородство Алибека проявилось, в частности, в том, что он сдался властям, которые из-за неспособности справиться с повстанцами устроили террор в отношении мирного населения. Алибек и его сподвижники были подвергнуты казни через повешение в Грозном 9 марта 1878 года. На момент смерти ему было 28 лет.

Если Мохмад пока «юный сокол», то 25-летний Албаг — «горный орел». Его конь под стать кьонаху: ему не терпится показать себя в соревнованиях, проявить «яхь» (категория «яхь» лакуарна, не имеет дословного перевода и означает «соревновательность в достойных делах, стремление превзойти других не из гордыни, а из желания проявить лучшие качества в справедливом споре»). Это одна из доминирующих констант характера достойного мужчины. Вот как рисует писатель взаимосвязь героя и коня и их обоюдную готовность победить: «Когда подъехали к краю площади, конь, знавший, зачем его сюда привели, потерял терпение, стал изгибать свою стройную белую шею, встряхивать ногами и бить копытами. Албаг слегка похлопал коня по шее, поправил меч на поясе и ружье на спине, пригладил тонкие черные усы, пришпорил и пустил коня вскачь» (подстрочный перевод) [10, 14]. Восторг зрителей про-

заик передает следующими репликами: «Как будто сейчас взлетит!», «Ноги не касаются земли!», «Белый сокол!» Албаг побеждает в соревнованиях, когда конь прыгает через пламя огня и останавливается на скаку перед пропастью, встав на дыбы. Всадник и его белоснежный друг проявляют смелость, ловкость, мужество и смекалку. Победа в этих состязаниях для Албага и его друзей, планирующих восстание против царского режима в горах, является залогом будущей победы — освобождения земли отцов от колонизаторов. Восторгаясь Албагом и его скакуном, люди дают им высокую оценку: «Мужественный наездник воспитал такого же смелого коня». Показателен эпизод, когда один из гостей хочет купить у Албага скакуна. Кто-то отвечает не сведущему в обычаях: «Горцы так просто коня и оружие не продают!» И речь здесь идет не о степени материального вознаграждения, а об исключительных ситуациях.

Албаг примет смерть в конце романа, но уже в экспозиционной сцене соревнований заложена мысль о том, что кьонахи — борцы за справедливость, мужественные, достойные люди, для которых свобода и честь своего народа выше других ценностей, не исчезнут никогда, у них всегда будет продолжение. Албаг погибает, но растет Мохмад, который появляется лишь в начале романа, свидетельствуя читателю о достойной смене поколений. Конь же позволяет автору в своем произведении сделать акцент на таких чертах характера кьонаха, как смелость, мужество, человеческое достоинство, свободолюбие.

Таким образом, рассмотрев художественно-словесную репрезентацию концепта «конь», мы пришли к выводу о неразрывной связи данного образа с концептом «кьонах». В этой паре конь символизирует доминирующие качества идеального мужчины: честь, удаль, мужество, внутреннюю красоту, смелость, разум, верность, доброту, заботу, любовь к родине, соревновательность в достойных делах, способность сопереживать чужому горю и отстаивать справедливость. Поскольку человек — создание несовершенное, конь может превосходить его в некоторых качествах, становясь неким эталоном. Конь ассоциируется с быстротой мысли и сферой тончайших переживаний. Поэтому потеря коня для героя означает лишение жизненной энергии, душевных и физических сил. В шкале предметных концептов, входящих в лексико-семантическое поле лексемы «кьонах», конь занимает самую верхнюю позицию, оставив позади пояс, папаху и оружие. Конь либо равен кьонаху по набору своих положительных качеств, либо даже превосходит его, но никогда не уступает. В чеченском фольклоре идеализированным воплощением образа коня является мифический конь Турпал, кличка которого переводится как Герой.

Чеченская литература, вбирая элементы устного народного творчества, развивает значимость данного концепта благодаря увлекательным сюжет-

ным линиям, яркой палитре образов как вымышленных, собирательных (Арзу в романе-эпопее «Долгие ночи» А. Айдамирова, Арсби в романе «Когда познается дружба» С. Арсанова), так и исторических (Албаг в романе-хронике «Молния в горах» А. Айдамирова).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиров И. Ю. Язык, история и культура вайнахов / И. Ю. Алиров. — Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. — 368 с.
2. Ахмадов М. Чеченская традиционная культура и этика / М. Ахмадов. — Грозный: ГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий». (Библиотека журнала «Вайнах»), 2006. — 205 с.
3. Исмаилов А. Слово. (Размышления о чеченском языке) / А. Исмаилов. — Элиста: АПП «Джангар», 2005. — 928 с.
4. Бексултанов М. Далекие берега реки жизни / М. Бексултанов // Вайнах, № 2, 2009. — С. 8–38.
5. Чеченский фольклор / Составители: И. Мунаев, А. Хатуев. — М.: Фонд поддержки чеченской литературы, 2009. — 460 с. — (Библиотека чеченской литературы. Т. 1).
6. Бену А. Символизм сказок и мифов народов мира / А. Бену. — М.: Алгоритм, 2011. — 463 с.
7. Арсанов С. Избранное. Когда познается дружба / С. Арсанов. — М.: Фонд поддержки чеченской литературы, 2009. — 460 с. — (Библиотека чеченской литературы. Т. 2).
8. Бадиев С. Рассказы и повести (на чеченском языке) / С. Бадиев. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. — 296 с.
9. Айдамиров А. Долгие ночи: Роман-хроника. Издание 2-е, дополненное (на чеченском языке) / А. Айдамиров. — Грозный: Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», 1990. — 560 с.
10. Айдамиров А. Молния в горах: Роман-хроника (на чеченском языке) / А. Айдамиров. — Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. — 560 с.

*Чеченский государственный университет
Довлеткиреева Л. М., кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
E-mail: dlida@inbox.ru*

*Chechen State University
Dovletkireeva L. M., Candidate of Philological Sciences,
Associate professor of the Department of Russian language
E-mail: dlida@inbox.ru*